

29 ФЕВ. 1968

г. Москва

Газета №

ПОЛЬСКИЙ театр сразу не разгадаешь. Он живет настолько сложной, насыщенной поисками жизнью, что трудно бывает определить, где проходят главные линии его развития, на которых пересекаются интересы различных художников. И все же, когда не один раз побываешь в Польше, заметишь многие спектакли, обнаруживаются тенденции, так или иначе создающие впечатление о путях и целях театра, ищущего ответы на самые жгучие вопросы современного мира.

Театр и режиссерский, и актерский

Тон и направление в польском театре задает режиссура. За последние десять лет проявила себя целая плеяда талантливых режиссеров. Они непохожи один на другого, спорят в творчестве друг с другом, режиссер ищет союзников и объединений. Можно безошибочно узнать спектакли Эвина Аксера и Адама Ханушевича, понять, что отстаивают в искусстве Людвик Рэне и Кристина Скушанка, что хочет утвердить молодой Ежи Яроцкий. Каждый из них — сильная творческая личность, которой есть что сказать о главном, о большом, жизненно важном для зрителей.

Конечно, как бы ни была хороша и талантлива режиссура, без актеров-единомышленников она не в силах реализовать свои планы и идеи. Польша богата талантливыми актерами. Высокий уровень актерского мастерства отличает большинство спектаклей, которые мне довелось увидеть.

Польская режиссура видит назначение театра в раскрытии философских идей века. Она устремляется к выявлению судьбы человека и мира, пережившего трагедию войны, внесшего из тяжких испытаний чувство своего национального достоинства. Боль и страдание от прошлого лежат на доннышках многих спектаклей, а рядом с этим — радость от познания человечности, утраченной в противоречиях, в преодолении темного, уродливого.

Эвин Аксер, пожалуй, наиболее отчетливо выразил свой стиль в «Карьере Артуро Уи» Бертольта Брехта, поставленной им в Современном театре. Режиссер блестяще владеет трагическим протесом, обнаруживает богатую фантазию. Он доводит до трагического абсурда саму сущность фашизма, его чудовищную претензию на господство. Гитлеризм как страшное явление века разоблачается искусством Т. Ломницкого — блестящего исполнителя Артура Уи.

В Польше театры часто ставят пьесы западных драматургов. Выбор их не всегда оправдан, и все же лучшие произведения миро-

вой современной драмы обогащают репертуар. Почти все пьесы Фридриха Дюрренматта поставил режиссер Драматического театра Людвик Рэне. Восьмой по счету была комедия Дюрренматта «Анабаптисты». Эта трагическая комедия (некоторые критики считают ее близкой к брехтовской «Карьере Артуро Уи») едко обличает комедианство как общественную злую силу. Здесь нет, как у Брехта, прямых аналогий с гитлеризмом. Но все, что делает «пророки» анабаптистов Богельсон, захвативший город Мюнстер в 1534 году, объявивший его государством, «Новым Иерусалимом», весьма

адаптации. Адам Ханушевич, например, поставил «Свадьбу» Станислава Wyspiańskiego в форме старинного балагана, в конструкции, напоминающей народное представление. Знаменитый Войтек Семён играл в этом спектакле семь различных ролей, поражая зрителей искусством трансформации. В то же время это был удивительно современный спектакль, умный, поэтический.

Сейчас в Польше появилось несколько спектаклей, углубляющих это направление в режиссуре. Адам Ханушевич снова обратился к

ПОЛЬСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

РАЗНЫЕ ТЕАТРЫ, РАЗНЫЕ ПЬЕСЫ

В. ФРОЛОВ

прозрачно напоминает систему одурачивания масс, так искусно разработанную фашизмом.

Спектакль Людвика Рэне получился неровным, растянутым в ритмах. Режиссеру не удалось найти единого стиля, того естественного перехода комедии в трагический фарс, который существовал для замысла драматурга. Пожалуй, только исполнитель роли Богельсона Рихард Петруский ближе всего стоит к пониманию жанровой природы этой пьесы. Актер легко движется, танцует, представляет, разыгрывает балаган. Остальные же персонажи как-то теряются в длинных, громоздких сценах, в разнотипности картин. Мне показалось, что «усложненность» действия, предложенная Дюрренматтом, тяжела для сцены. Наверное, поэтому мысль в пьесе все время дробится, уходит в подтексты. Играть такую комедию очень трудно.

Вкус к национальной драматургии

В интенсивно насыщенной театральной жизни Польши выделяется направление, которое я бы назвал национальным, чисто польским, глубоко заинтересованным в развитии своих традиций, идущих от классиков в драматургии и от Леона Шиллера — в режиссуре. Характерно, что художники, работающие в этом направлении, с пристальным вниманием относятся к классическим польским пьесам, вносят в их сценическое решение свой взгляд на обстоятельства и характеры, пользуются приемами

классика. На этот раз в Повзехном театре он поставил пьесу Ю. Словацкого «Фантазий». Как и в лучших спектаклях национальной классики, здесь проявилось стремление слить разноликие частицы и тоны в единое целое, достичь гармонии и пластики в трактовке образов, выделив в них гражданские, общественные идеи.

Судьба майора русской армии (пьеса написана в 1840 г.) Владимира Гавриловича, защитившего поляка-повстанца, бежавшего из сибирской ссылки, стала в центре спектакля. Артист Юлиуш Лушчевский — исполнитель этой роли — предельно правдив, сдержан. Весь спектакль отлично выстроен, красочен, играют талантливые актеры, великолепен Адам Ханушевич, создающий образ молодого изысканного Фантазия Дафиньского. Но все же самым сильным моментом оказался в постановке именно тот, где театр, осмысливая классическую пьесу, решал актуальнейшую тему современности, тему братства польского и русского народов.

Польский театр развивается также на основе своей современной драматургии. За последние десять лет Польша дала немало талантливых драматических писателей. Их пьесы идут в театрах страны и за рубежом. После Леона Кручковского и плеяды старейших драматургов ряды театральных писателей пополнились новыми именами. Е. Брошкевич, Т. Ружевич, Я. Абрамов — это лишь некоторые из писателей, активно работающих в драматургии.

В Польше умеют смеяться

Тадеуш Ружевич пришел в театр из поэзии. Он поэт огромного дарования. Первая его пьеса «Картотека» производит сильное впечатление. До сих пор, хотя прошло уже десять лет, я помню спектакль, тонкую поэтическую манеру, с которой Ружевич вошел в драматургию. Теперь у Ружевича пять-шесть пьес, они идут в Польше и во многих странах Европы.

В сатирическом театре «STS» я смотрел его «Прерванное действие», очень забавную пародийную комедию. Начинается она элегическим монологом лица от автора-рассказчика. Выходит молодой актер Ян Станиславский, садится за столик, стоящий в партере, и читает обращение драматурга к зрителям. Это не трактат, а скорее фельетон, высмеивающий театральные штампы и «изысканности» театральных режиссеров. Потом развивается действие самой пьесы, по ходу прерываемое все тем же рассказчиком, который комментирует происходящее. Сюжет все время меняет направления. Серьезно обличаются ханжи и невежи, завызываются какие-то комические узлы, вроде бы мотивированные, а потом выясняется, что все это просто пародия на безвкусицу в театре. Мне показалось, что Ружевич в «Прерванном действии», наметив дав план — пародийный и серьезный, обличающий мещанские нравы, ограничил свою задачу: пародия на комические штампы получилась, а целостности произведения я как-то не почувствовал. Возможно, что это вина не драматурга, а режиссера Хельмута Кайзера, который несколько односторонне понял замысел «носенческой комедии в одном акте».

В Польше умеют и любят смеяться. Смех здесь звучит в самых серьезных пьесах, во всех театрах, со вкусом ставящих комедии. Однако есть в этой стране особые комические театры-кабаре. Тексты к сатирическим обзорам пишутся самыми остроумными сатириками. В Кракове «прибежищем остроумцев» является популярная «Михаликова яма», где недавно состоялась премьера новой сатирической программы. А в Варшаве в помещении редакции журнала «Шпильки» с успехом работает литературное кабаре «Овца».

Многоцветно, жизнелюбиво польское театральное искусство. В разных стилях и жанрах пробуют свои силы актеры и режиссеры, завоевывая симпатию зрителей.

Польский театр ищет свои пути, шлифует мастерство, пронизанное мыслью и чувствами, волнующими современников. Не все гладко проходит, встречаются трудности, случаются неудачи. Но в одном он остается молодым, крепким, пытливым — в утверждении своего главного назначения: быть философом, гуманистом, умным союзником и советчиком зрителей.